

По имени Давид

Давиду тридцать семь, а сердце его стучит по инерции, как старый будильник. Когда он успел устать? От чего он устал?

Утро отдавало каким-то мутным ощущением, Давид сразу даже не понял: то ли это неприятный вкус во рту, то ли предчувствие чего-то, что нужно просто пережить. Сегодня 26 октября. Значит, день рождения. Значит, второе.

Он не любил свой день рождения. Точнее, он терпеть его не мог. Слякоть. Дождь. Ветер. Хочется улечься в кресло, укрыться пледом, включить Армстронга, а лучше Леона Бриджеса, и — что угодно, только не праздник. Не шум. Не гости. Не «ах, поздравляем». В тридцать восьмой раз, и ничего нового.

Хотя нет. В детстве всё было по-другому. Мама. Торт. Долго пахло свечами. Радость. Веселье. А подарки? Каждый год — по мечте. Песня...

Хорошо было в студенчестве. Танцы. Девчонки. Долго пахло водкой. Кураж. Обнималки. А наутро? Каждый год — по зароку. Смех.

Ну а потом, лет с двадцати пяти, — всё по накатанной. Чуть-чуть — из детства. Немного — из студенчества. Но почему-то пахло тоской. Непонятно.

Всё из-за погоды: смотришь в окно — и не надо долго гадать, отчего Скорпионы такие противные. Тем не менее. Нужно брать зонт, выходить на улицу, месить грязь. Покупать овощи, забирать торт, убирать пыль. Со старых книг, с бабушкиного патефона, с рабочего стола. Со всех этих серебряных и посеребрённых молочников, подносов, любимых подсвечников. И затем, когда после всех сует больше всего захочется улечься в кресло, укрыться пледом, включить Армстронга, а лучше Леона Бриджеса, как раз и появятся гости. Принесут с собой шум, «ах, поздравляем»

и больше всего — воздыхания: «Ну какой ты умница. Ну зачем ты отмыл всё кругом и столько всего наготовил? Мы же говорили: зайдём просто одарить вниманием и разве что выпить чаю».

Спокойно. Прошу всех к столу.

Это — его тридцать восьмой день рождения, и это надо просто пережить.

***

Давид составил список продуктов и вышел на улицу. Открыл зонт, долго топтал лужи, магазины деликатесов и прочие места, от которых случается праздник. «Профессор Фрейд» на Малой Морской и «Елисеевский» на Невском.

Вернулся домой. Не успев разуться, ответил на телефонный звонок. Семидесятилетний профессор, глава клиники, шеф, желал «позволения некой, возможно не совсем уместной в этот день, вольности». В этот день не может быть неуместных вольностей, потому как самого дня, по большому счёту, нет.

Дорадо со спаржей. Салат с руколой и авокадо. Бефстроганов с белыми грибами. Суп-пюре из каштанов. Соус из горчицы с каперсами. Мидии под сырной корочкой. Киш с рыбой. Киш с птицей. Овощи. Как будто бы всё. Задвигаем кресло. Убираем плед. Сигнал домофона — та ещё музыка. Надеваем рубашку, жилет, улыбку. Встречаем гостей. Он, она. Она, он. Еще серия повторений и — замыкающий — профессор с «вольностью». Вольность слишком осторожна в движениях — сказала о себе больше, чем могла — ничего не видит. Или практически ничего. Всего лишь ещё один диагноз. В кои-то веки у профессора смущённый взгляд, при первом удобном случае берёт Давида за локоть: так надо. Не догадывается, что делает это совершенно напрасно. Единственное, что уместно при любых обстоятельствах, — это работа. Помогаем Вольности раздеться. Знакомимся. Давид Львович. Тася. Будьте как дома.

***

Профессор зашёл в гостиную и представил Вольность гостям: «Тасенька — моя внучка».

Давид понял. И не только это. Поразительно. Профессор тридцать пять лет возглавляет одну из ведущих офтальмологических клиник. Его всегда чрезмерно серьезное отношение к делу влечёт за собой отсутствие хоть какого-то отношения к окружающим. Минимум слов. Трафарет эмоций. Комплект рубящих жестов. Иссохшая глыба строгости и требовательности. Десять лет знакомства с ним каждую минуту подтверждают наличие лишь двух нот в диапазоне его чувств: подавлять и выжимать. Оправданием этому мог служить только его профессионализм. Оправданием, но не утешением. За всё время лишь однажды, прервав затянувшийся до полуночи консилиум, профессор позволил себе уставший взгляд и толику человечности в голосе. Он сказал: «Отложим все дела до завтра, я очень спешу домой — моя птичка не ест без меня». Но почему-то для окружающих тогда самым главным открытием стало не тепло во взгляде, а новость (О! Новость!) — наш профессор живет с какой-то птицей! Видимо, ей одной предназначено всё самое светлое и лучшее в нём, что так сильно боится он хоть где-нибудь обронить, растратить, расплескать. Что так бережно, отгородив ото всех, несёт ей одной. И вот она, эта птица: «Тасенька — моя внучка».

***

«Ты что-нибудь поешь?» — «Если можно, как обычно». Профессор налил Тасе бокал сухого вина и положил на один икру с трёх бутербродов. Оставшийся хлеб, снабдив каждый кусок щедрой порцией гуакамоле, доел сам. Тася выглядела так, будто сомневалась — правильно ли сделала, что пришла? Она уже минут десять перебирала шнурок на манжете своей рубашки и вдруг просияла — почувствовала на коленях увесистого Давидова кота. Она влезла всей пятернёй в плюшевый затылок, и лица обоих подсветило удовольствием. «Дед, какого он

цвета?» — «Рыжего». — «Нет, нет, подожди, я сама... Ещё рыжим может быть янтарь... Рыжими могут быть волосы, могут быть тигровые лилии и опадающие листья осенью. Правильно?» Она играла в эту игру с видом, как будто наконец поняла, зачем она здесь, и как будто больше в этот вечер её ничего не интересовало. С видом, который не оставлял Давиду никакого права сомневаться: да, она практически слепая, но видеть мир в калейдоскопе цвета — её любимая игра.

***

Значит, Тася. Давиду нравится смотреть на неё. Девушка с полотен прерафаэлитов. Каштановые волнистые волосы убраны в небрежный высокий пучок. И от этой небрежности веет не беспорядком, а шармом. Зелёные глаза. Чуть темнее волос — плотные характерные брови. С ударением на вторую «а». Высокий лоб, зауженный подбородок. Губы очень интересной редкой формы: верхняя слегка прикрывает нижнюю, как будто нижнюю Тася чуть пробует на вкус. Скульптурное лицо, чётко очерченные ключицы. Субтильная. Изящная. В тонком кашемировом платье. Очень красивый вырез, из которого выбивается тоненькая шёлковая лямка и кружево. Другой внучки у профессора быть не могло. В винтажном твидовом костюме он достойно обрамлял свой бриллиант.

Ест крайне мало, икра с трёх бутербродов — теперь понятно — хоть какой-то белок. Профессор всё же пытался: «Тася, давай как у французов — доедать не обязательно, пробовать обязательно». Она отвечала, что выбрасывать еду — это очень не очень, это не по-ленинградски. Или ешь, или не ешь.

Тася не могла видеть Давида, а потому, как и на многое в жизни, смотрела на него глазами профессора.

Высокий. Жилистый. В общем-то, самый обыкновенный, если бы не такие красивые руки. Длинные пальцы, безукоризненные ногти,